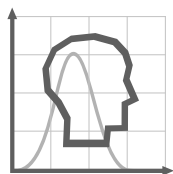

Российская академия наук
Институт психологии

Т. А. Нестик

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ОБРАЗ БУДУЩЕГО

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ

Москва
Издательство
«Институт психологии РАН»
2025

УДК 159.9

ББК 88

Н 56

*Все права защищены. Любое использование
материалов данной книги полностью или частично
без разрешения правообладателя запрещается*

Рецензенты:

А. И. Агеев, доктор экономических наук, профессор
А. Н. Татарко, доктор психологических наук, профессор
Е. Б. Шестопал, доктор философских наук, профессор
А. В. Юревич, доктор психологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН

Нестик Т. А.

Н 56 Коллективный образ будущего: социально-психологический анализ. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2025. — 657 с. (Психология социальных явлений)

DOI: 10.38098/soc_25_0493

ISBN 978-5-9270-0493-5

УДК 159.9

ББК 88

Монография носит междисциплинарный характер и охватывает широкий круг тем, связанных с отношением человека к своему личному и коллективному будущему: подходы к изучению образа будущего в современных социальных науках; социально-психологические предпосылки долгосрочной ориентации личности и группы; представления россиян о будущем России; психологические предпосылки социального оптимизма в условиях пандемии, экономических санкций и военных конфликтов; психологические аспекты инновационно-технологического и корпоративного форсайта; влияние тревоги по поводу будущего на отношение людей к науке и веру в паранормальное и др.

Книга адресована в первую очередь специалистам в области социальной, политической и экономической психологии, психологии личности, социологии и культурной антропологии, она будет полезна преподавателям и студентам психологических, социологических, политологических и экономических факультетов вузов.

© Т. А. Нестик, 2025

© ФГБУН «Институт психологии РАН», 2025

ISBN 978-5-9270-0493-5

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
--------------------	---

Раздел I ОБРАЗ БУДУЩЕГО КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

ГЛАВА 1 Коллективный образ будущего: определение, структура, функции и механизмы формирования	21
ГЛАВА 2 Социальное воображение как социально-психологический феномен	48
ГЛАВА 3 Коллективная память и образ будущего страны	61
ГЛАВА 4 Социально-психологические предикторы отношения к ближайшему, среднесрочному и отдаленному будущему . . .	88
ГЛАВА 5 Психологические аспекты инновационно-технологического и корпоративного форсайта	101
ГЛАВА 6 Образ будущего России у представителей разных поколений россиян	136
ГЛАВА 7 Искусственный интеллект и конструирование образа будущего	154

РАЗДЕЛ II

ОБРАЗ БУДУЩЕГО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ И СОЦИАЛЬНЫЙ ОПТИМИЗМ

ГЛАВА 8

Эффект Поллианны: механизмы защиты
позитивной личностной и групповой идентичности 169

ГЛАВА 9

Социально-психологические предпосылки
социального оптимизма 181

ГЛАВА 10

Психологические механизмы экономического оптимизма
в условиях кризиса 222

ГЛАВА 11

Временная перспектива личности и коллективный образ
будущего в условиях пандемии 235

ГЛАВА 12

Коллективный образ будущего
в условиях военного конфликта 266

ГЛАВА 13

Фатализм и радикализация: временная перспектива
сторонников применения ядерного оружия 299

ГЛАВА 14

Социальный оптимизм в отношении освоения космоса 315

РАЗДЕЛ III

ДОЛГОСРОЧНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ И ГРУППЫ

ГЛАВА 15

Долгосрочная ориентация личности:
состояние и перспективы исследований 325

ГЛАВА 16

Социально-психологические предпосылки
и типы долгосрочной ориентации:
результаты эмпирического исследования 347

ГЛАВА 17	
Долгосрочная ориентация и процессы социальной интеграции	366
ГЛАВА 18	
Ориентация на учет будущих последствий и ее социально-психологические предпосылки	385
ГЛАВА 19	
Конструирование образа будущего и чтение: временная перспектива и социальное воображение читателей фантастической литературы	397
ГЛАВА 20	
Тревога по поводу будущего и доверие россиян к науке	420
ГЛАВА 21	
Отношение к будущему и вера в сверхъестественное	445
ГЛАВА 22	
Образ будущего и долгосрочная ориентация научного сообщества	462
Заключение	508

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1	
Методические приемы для выявления содержания представлений о коллективном будущем	519
Приложение 2	
Методика «Сценарии будущего».	523
Приложение 3	
Семантический дифференциал «Наше будущее»	524
Приложение 4	
Шкала «Социальное воображение».	526
Приложение 5	
Методики для измерения социального оптимизма	528
Приложение 6	
Методики для измерения индивидуальной и коллективной тревоги по поводу будущего	532

Приложение 7	
Опросник «Долгосрочная ориентация личности»	534
Приложение 8	
Шкала «Ориентация на учет будущих последствий»	536
Приложение 9	
Методические приемы оценки протяженности групповой временной перспективы	539
Литература.	542

ВВЕДЕНИЕ

Книга посвящена социально-психологическим феноменам и процессам, благодаря которым мы способны представить будущее, объединяющее нас с другими людьми, — будущее своей организации, профессии, поколения, страны и мира. Многие представленные здесь исследования автора носят поисковый характер и намечают направления дальнейшего социально-психологического изучения коллективного образа будущего как феномена социального познания.

Под коллективным образом будущего мы понимаем совокупность эмоционально окрашенных представлений о будущих процессах и явлениях, разделяемых представителями социальной группы и конструируемых ими в межличностном дискурсе. Коллективный образ будущего является частью групповой временной перспективы, а в более широком смысле — компонентом отношения членов группы к совместному будущему, у которого есть не только когнитивные, но и аффективные, ценностно-мотивационные, а также поведенческие компоненты.

При этом генерализованная позитивная или негативная оценка будущего, его значимость, а также уверенность личности в своей способности влиять на него вносят более весомый вклад в политические и экономические установки, чем само по себе содержание представлений о будущем, так как влияют на интерпретацию событий коллективного прошлого и настоящего. Поэтому оценкам и переживаниям, связанным с будущим, в книге уделяется больше внимания, чем конкретным его сценариям.

Если предшествующие исследования автора в данной области были в большей степени сосредоточены на организационном контексте (Отношение к времени в малых группах и организациях, 2011; Социальная психология времени, 2014), то данная монография посвящен-

на отношении к будущему в больших социальных группах: в центре нашего внимания коллективный образ будущего России. Таким образом, представленные в книге исследования являются продолжением серии работ, в которых нами совместно с другими исследователями анализируются психологические механизмы отношения личности и группы к трудноконтролируемым угрозам (Влияние пандемии на личность и общество, 2021; Психология глобальных рисков, 2018; Человек в условиях глобальных рисков, 2020; и др.)

Первый раздел монографии отвечает на вопрос о том, что делает людей способными представлять будущее своей группы. Он посвящен компонентам структуры коллективного образа будущего, а также важнейшим социально-психологическим механизмам, лежащим в его основе.

В первой главе рассматриваются *подходы к изучению коллективного образа будущего в социальных науках*: в области исследований будущего, культурной антропологии и социологии будущего, политических наук, организационной и экономической психологии, социальной психологии больших групп. Выделены *основные компоненты коллективного образа будущего*: коллективные цели и планы, групповые ожидания, надежды, групповые мечты, коллективные страхи и коллективные идеалы. Рассмотрены *его основные психологические функции*: идентификационная, консолидирующая, целеобразующая, ценностно-мотивационная, функция поддержания позитивной социальной идентичности, функция адаптации к социальным изменениям. Выделены *четыре основных психологических механизма* формирования коллективного образа будущего: 1) групповая идентификация; 2) групповая рефлексия совместного прошлого, настоящего и будущего, формой которой является коллективное социальное воображение; 3) механизмы формирования коллективных эмоциональных состояний (эмоциональное заражение, межличностная синхронизация, групповые нормы переживания и проявления эмоций и др.); 4) воздействие лидера на образ будущего и прошлого группы («лидерское видение»), а также целенаправленное информационно-психологическое воздействие на образ будущего в СМИ и социальных медиа. Выделены ключевые внутриличностные, межличностные, групповые, межгрупповые и социетальные факторы его конструирования.

Во второй главе представлен *анализ психологической феноменологии, предпосылок и механизмов социального воображения*, в структуре

которого выделяется готовность личности и группы включать свою жизнь в социально-исторический контекст, а также представлять и анализировать альтернативные варианты социального взаимодействия в прошлом и будущем. Рассматриваются социологические и психологические интерпретации данного феномена. Приводятся результаты серии эмпирических исследований, позволившие выявить социально-психологические предпосылки сценарного мышления, то есть ориентации на порождение и анализ альтернативных вариантов коллективного будущего, а также когнитивной завершенности представлений о нем, а именно убеждения в его предопределенности и безальтернативности. Раскрыта связь воспринимаемой многовариантности возможного будущего России с социальной сложностью, интересом к долгосрочному будущему, ценностью непрерывного развития, с верой в способность граждан влиять на политические решения, а также с тревогой по поводу будущего России и частотой обсуждения политических тем. Показано, что представление о безальтернативности коллективного будущего в условиях кризиса связано с переживанием угрозы, потребностью в простых ответах на сложные вопросы, фаталистическими установками, социальным цинизмом и нетерпимостью к представителям других социальных групп. Рассматриваются методы развития социального воображения в группах и организациях, помогающие представить альтернативные варианты прошлого и будущего, включить свою биографию и карьеру в контекст корпоративной и национальной истории, а также посмотреть на свою деятельность глазами представителей других социальных групп.

В третьей главе рассмотрены *социально-психологические механизмы, связывающие коллективный образ будущего с коллективной памятью*. Представлены результаты эмпирических исследований, позволившие выделить социально-психологические типы отношения личности к коллективному прошлому, настоящему и будущему, прояснить механизмы формирования оценки коллективного будущего и его сценариев на основе значимых для группы событий прошлого, а также изучить роль коллективной памяти в конструировании позитивного образа будущего при переживании масштабных экономических и военно-политических кризисов.

В четвертой главе приведены результаты наших исследований, показывающие, что *разные горизонты коллективного будущего выполняют разные психологические функции*. Уточнена роль, кото-

рую играют при формировании коллективного образа ближайшего, среднесрочного и отдаленного будущего социальная идентичность, представления о мире и моральные основания оценки социально-значимых явлений. Показано, что при переживании трудноконтролируемой внешней угрозы оценка ближайшего коллективного будущего становится более тесно связанной с гиперидентичностью, тогда как среднесрочное и долгосрочное коллективное будущее в кризисных для страны обстоятельствах становится более тесно связанным с позитивной групповой идентичностью, поддерживающей социальный оптимизм и конструктивные стратегии совладания.

В пятой главе проанализированы *когнитивные искажения и социально-психологические эффекты, возникающие при групповом взаимодействии экспертов в ходе инновационно-технологического и корпоративного форсайта*, а также даны рекомендации по их предотвращению и ослаблению. На основании эмпирического исследования выявлена преадаптивная функция коллективного воображения и прогнозирования будущего, состоящая в повышении толерантности к неопределенности. Показано, что главным результатом проспективной рефлексии в ходе форсайт-сессий является не сам образ вероятного будущего, а символические орудия для его непрерывного конструирования, в том числе групповые технологии проектирования будущего, сформированная сообществом ментальная модель прогнозируемых процессов и явлений, доверие заинтересованных сторон друг к другу, готовность договариваться о будущем в меняющихся условиях.

В шестой главе выявлены *особенности образа желаемого будущего России у представителей разных поколений россиян*, а также различия в социально-психологических механизмах, которые поддерживают их оптимистический образ будущего страны. Сделан вывод о том, что идеальные образы будущего России выполняют компенсаторную функцию и не могут пока служить основанием для консолидации российского общества, так как оторваны от индивидуального и совместного целеполагания. Для того, чтобы задействовать спланируемый потенциал этих идеалов и мечтаний, необходимо повысить уверенность граждан в своей способности влиять на государственные решения.

В седьмой главе анализируется *влияние технологий искусственного интеллекта на характеристики образа будущего и долгосрочную ориентацию личности*. Рассматриваются возможные психологичес-

кие последствия использования больших языковых моделей в маркетинговых и политических информационных кампаниях, в области психологического консультирования, в индустрии персональных цифровых помощников и системах экспертной поддержки. С одной стороны, использование подобных моделей расширяет возможности для манипулирования ожиданиями и страхами по поводу будущего, может усиливать пессимизм и технодетерминизм в представлениях о нем. С другой стороны, персональные помощники и экспертные системы на основе генеративного искусственного интеллекта могут повышать ориентацию личности и группы на учет будущих последствий, поддерживать их способность к анализу различных сценариев будущего. Делается вывод о необходимости разработки больших языковых моделей, развивающих рефлексивность, критическое мышление, доверие, социальное воображение и долгосрочную ориентацию.

Второй раздел монографии отвечает на вопрос о том, какие социально-психологические механизмы позволяют личности и обществу в целом сохранять позитивный образ будущего и социальный оптимизм даже в кризисных условиях, при переживании трудноконтролируемых природных и антропогенных угроз.

Восьмая глава посвящена социально-психологическим механизмам *эффекта Поллианны* — склонности людей отдавать предпочтение позитивной информации, проявляющейся в оценках настоящего, воспоминаниях о прошлом и ожиданиях в отношении будущего, а также отражающейся в преобладании позитивной лексики над негативной в словарном составе языка. Показано, что на индивидуальном уровне эффект Поллианны поддерживается за счет закономерностей восприятия позитивной и негативной информации, эмоциональной контррегуляции, механизмов совладания и позитивных иллюзий, защищающих позитивную идентичность личности. На межличностном уровне такими механизмами являются совместные позитивные переживания, межличностная аттракция и доверие. На групповом уровне — групповая идентификация, позитивные групповые эмоции и механизмы, поддерживающие позитивную оценку своей группы: ингрупповой фаворитизм, перцептивные защиты, конструирование коллективной памяти и коллективного образа будущего. Обосновано предположение о том, что вклад групповой идентичности в обеспечение эффекта Поллианны возрастает в условиях кризисов, сопряженных с переживанием трудноконтролируемой угрозы и коллективной травмой.

В девятой главе представлен анализ *социально-психологических предпосылок социального оптимизма*, который представляет собой одновременно переживание надежды на благополучный исход и веру в способность членов своей группы совместными усилиями преодолеть трудности. На основании результатов серии эмпирических исследований раскрываются его психологические функции, а также его динамика в условиях геополитического и экономического кризиса. С опорой на результаты проведенного нами лонгитюдного исследования, выдвинуто предположение о существовании двух дополняющих друг друга механизмов поддержания социального оптимизма: через усиление гражданской идентификации и значимости коллективного будущего для личности (эту роль выполняют ориентация на консервативные моральные основания уважения к власти, лояльности своей группе и святости) и через сопереживание и усиление значимости взаимопомощи в условиях кризиса (под влиянием «индивидуализирующих» моральных оснований заботы о людях и справедливости). Делается вывод о том, что для поддержки социального оптимизма в условиях кризиса необходимы меры, направленные на укрепление уверенности граждан в своей способности влиять на собственное настоящее и будущее, ценностей сопереживания и взаимной поддержки, а также доверия к социальным институтам.

Десятая глава посвящена психологическим механизмам экономического оптимизма. Проанализированы влияние экономических кризисов на психологическое благополучие личности, а также роль показателей психоэмоционального состояния общества в экономическом прогнозировании. Выделены *индивидуально-психологические и социально-психологические механизмы, лежащие в основе роста экономического оптимизма в кризисных для общества условиях*: мобилизация личностных ресурсов, «позитивные иллюзии», в том числе сверхоптимизм и переоценка контроля над ситуацией. На основании анализа результатов серии исследований, нами выделены типы отношения личности к экономическим санкциям. Также показано, что социальный оптимизм и позитивная оценка последствий санкций вносят более весомый положительный вклад в потребительские ожидания, чем уровень доходов и уверенность личности в своих силах. Намечены перспективные направления дальнейших исследований в области психологии экономических ожиданий.

В одиннадцатой главе представлен анализ *особенностей временной перспективы и коллективного образа будущего в условиях пандемии*.

мии COVID-19. Рассматриваются характеристики психологического состояния общества при длительном переживании эпидемиологической угрозы. Анализируется содержание представлений россиян о том, как пандемия повлияет на российское общество в будущем. На основании эмпирических исследований делается вывод о том, что *коллективная тревога может играть конструктивную роль и поддерживать долгосрочную ориентацию*, если она сопровождается социальным доверием, уверенностью в своей способности контролировать ситуацию и сопереживанием другим людям. Доверие, сопереживание и забота о других людях вносят вклад в конструирование коллективного образа будущего, поддерживая уверенность в способности общества справиться с кризисом.

В двенадцатой главе рассматриваются *особенности коллективного образа будущего в условиях военных конфликтов*. Проанализированы динамика психологического благополучия, особенности когнитивных процессов, механизмов социальной интеграции и формирования политических установок в обществах, травмированных военными конфликтами. Показано, что в условиях военного конфликта индивидуальная ориентация на будущее под влиянием травмирующих обстоятельств снижается, а значимость коллективного будущего возрастает; при этом чем выше воспринимаемая внешняя угроза, тем более светлым представляется будущее страны. Коллективный образ будущего конструируется под влиянием психологических защитных механизмов, мобилизующих психологические ресурсы для выживания и победы, но сужающих диапазон рассматриваемых сценариев и ослабляющих способность сторон конфликта прогнозировать долгосрочные последствия своих и чужих действий.

Предложено рассматривать *коллективный образ будущего в воюющих и постконфликтных обществах как компонент психологических ресурсов группы*. Фаталистические установки и социальный пессимизм усиливают дезадаптивные защиты, закрепляя восприятие коллективной травмы как угрозы, они одновременно подстегивают поиск виновных и усиливают «заговор молчания» об утратах. Напротив, уверенность членов группы в своей способности совместными усилиями влиять на будущее, признание его многовариантности и позитивный образ будущего способствуют преодолению коллективной травмы через восприятие ее как вызова, мобилизуя коллективную субъектность и поддерживая поиск смысла. Делается вывод о том, что поддержка позитивного образа будущего Рос-

сии должна опираться на признание реальных, а не символических угроз для развития страны; поддержку конструктивного, а не слепого патриотизма; а также на поддержку позитивного осмысления полученного трагического коллективного опыта как уроков, необходимых обществу для достижения амбициозных коллективных целей и дальнейшего развития нашей страны.

Тринадцатая глава проливает свет на связь между фаталистическими установками и поддержкой радикальных силовых решений, в том числе применения ядерного оружия в конвенциональном военном конфликте. выявлены особенности отношения к применению ядерного оружия при *переживании реалистической угрозы для жизни людей и символической угрозы ценностям своей группы*: если реалистическая угроза повышает оправданность применения ядерного оружия как защиты от нападения, то символическая угроза повышает одобрение мести, тем самым делая более вероятной поддержку ядерного удара как возмездия. Показано также, что символическая угроза снижает социальный оптимизм и одновременно усиливает фатализм, негативную оценку прошлого и коллективную ностальгию, запуская таким образом дезадаптивные психологические защиты и повышая вероятность радикализации. В целом полученные нами результаты указывают на опасность политических нарративов, в которых будущее представляется как предопределенное судьбой.

Четырнадцатая глава посвящена анализу *социально-психологических факторов отношения россиян к освоению космоса и космическому будущему человечества*, с которым увязываются сегодня как экзистенциальные страхи, так и нереализованные идеалы и мечты о лучшей жизни. С опорой на результаты эмпирического исследования делается вывод о том, что поддержка космонавтики в российском обществе носит компенсаторный характер, связана с мечтой о решении в космосе социальных проблем, которые не удастся решить на Земле. В главе также намечены перспективные направления дальнейших исследований социально-психологических проблем освоения дальнего космоса.

Третий раздел книги отвечает на вопрос о том, что позволяет отдельным людям и сообществам ставить долгосрочные цели, задумываться о последствиях своих решений, интересоваться отдаленным индивидуальным и коллективным будущим.

В пятнадцатой главе представлен анализ состояния и перспектив исследований долгосрочной ориентации личности — значимости дол-

госрочного прогнозирования, целеполагания и планирования, достижения и сохранения устойчивых к изменениям результатов своей и чужой деятельности, а также учета долгосрочных последствий этой деятельности для себя, других людей и окружающей среды. Выделены ее *ценностно-мотивационные, когнитивные, аффективные и поведенческие компоненты, а также психологические функции*. Предложены перспективные направления исследований долгосрочной ориентации как социально-психологического феномена.

В шестнадцатой главе на основании результатов эмпирического исследования выделены *типы долгосрочной ориентации среди российской молодежи*. Определены *основные группы ее социально-психологических факторов*: дескриптивные нормы, то есть представления о том, насколько типична долгосрочная ориентация для окружающих людей и россиян в целом; социальная идентификация и просоциальные установки; ориентация на достижения и вера в собственные силы; а также тревожные состояния, связанные с изменениями в обществе.

В семнадцатой главе анализируется *связь долгосрочной ориентации личности с феноменами социальной интеграции*: социальным капиталом, просоциальными установками, спланированными моральными основаниями и внутригрупповым доверием. С опорой на серию эмпирических исследований показано, что люди с разнородной сетью контактов, отождествляющие себя с более широкими социальными категориями, строят более долгосрочные планы, характеризуются более протяженной коллективной временной перспективой, то есть склонны думать о более отдаленном коллективном будущем. Предложены способы поддержки долгосрочной ориентации личности при принятии решений, а также меры, необходимые для развития долгосрочной ориентации в российском обществе.

Восемнадцатая глава посвящена анализу психологических предпосылок и эффектов одного из аспектов долгосрочной ориентации личности — *готовности учитывать будущие последствия своего поведения*. Проведенные нами эмпирические исследования показали, что ориентация на учет будущих последствий связана с горизонтальными формами коллективизма и индивидуализма, которые предполагают развитие соединяющего социального капитала и горизонтальные формы солидарности. Также в условиях пандемии COVID-19 была обнаружена связь готовности личности учитывать будущие последствия своих действий с представлениями об осмысленности и доброжелательности мира, а также с выраженностью эмпатии.

Сделан вывод о том, что для поддержки долгосрочной ориентации в условиях эпидемиологических рисков принципиально важным является признание ценностей сопереживания и взаимопомощи.

В девятнадцатой главе рассматривается *связь читательских предпочтений с характеристиками временной перспективы и коллективного образа будущего личности*: отношением к индивидуальному прошлому и будущему, социальным оптимизмом, верой в предопределенность судьбы и социальным воображением. На основании эмпирических данных показано, что предпочтение жанров попаданчества и фэнтези отрицательно связано с долгосрочной ориентацией и социальным воображением, но положительно связано с фаталистическим настоящим, что указывает на компенсаторную психологическую функцию этих литературных жанров. Напротив, чтение научно-фантастической и научно-популярной литературы положительно связаны с долгосрочной ориентацией, социальной сложностью и социальным воображением. Выдвинуто предположение о том, что научная фантастика поддерживает веру в способность личности влиять на будущее и направлена на преадаптацию — расширение репертуара жизненных стратегий с учетом растущей сложности общества.

Двадцатая глава проливает свет на *взаимосвязь между тревогой по поводу будущего и доверием к науке* как одному из социальных институтов, формирующих представления о будущем в обществе. На основании эмпирических исследований делается вывод о том, что отношение к индивидуальному и коллективному будущему как предопределенным судьбой усиливает отношение к науке как к социальному институту, гарантирующему безопасность и защищающему позитивную групповую самооценку. Напротив, отношение к будущему как к возможности для саморазвития и убеждение в возможности овладения им, его изменения и планирования усиливает отношение к науке как к инструменту, позволяющему оценивать последствия событий и принимать осознанные решения. Показано, что формирование научной картины мира в ходе социализации личности влияет на временную перспективу, поддерживая уверенность личности в своей способности влиять на будущее, повышая долгосрочную ориентацию и социальный оптимизм.

В двадцать первой главе раскрывается *связь характеристик временной перспективы и социального оптимизма с религиозностью и верой в паранормальное*. На основании эмпирических данных показано, что в условиях пандемии религиозность личности оказывает разно-

направленное влияние на протективное поведение и психологическое благополучие. С одной стороны, она снижает уровень тревоги по поводу будущего и поддерживает психологическое благополучие. С другой стороны, она связана с антивакционными установками, что повышает риски заболевания новыми патогенами и создает благоприятные условия для распространения конспирологических теорий. Показано также, что в условиях кризиса среди компонентов веры в сверхъестественное наиболее конструктивную роль играют традиционная религиозная вера и вера в предсказания: обе они усиливают долгосрочную ориентацию и социальный оптимизм, а также повышают самооффективность, то есть уверенность личности в собственных силах. Наиболее дезадаптивными по своим последствиям оказались вера в колдовство и вера в суеверия. Вера в колдунов и ведьм снижает веру личности в собственные силы, а суеверия ослабляют долгосрочную ориентацию и ориентацию на будущее.

Наконец, в двадцать второй главе проанализированы *социально-психологические факторы, влияющие на коллективный образ будущего и долгосрочную ориентацию научного сообщества*. Обнаружена прямая связь протяженности временной перспективы при обсуждении исследований в научных сообществах и оценки скорости развития научного знания. Показано также, что оптимизм в отношении будущего российской науки и готовность исследователей обсуждать будущее своей науки связаны с предпочитаемыми ими ролями в исследовательском коллективе. При этом исследователи, предпочитающие роль администратора, организующего работу исследовательской команды, характеризуются наименее протяженной временной перспективой как при обсуждении будущих исследований, так и при обсуждении уже проведенных. В целом основной вклад в детерминацию готовности личности к прогнозированию развития своей научной области вносят не индивидуально-личностные, а групповые социально-психологические механизмы: групповая идентификация и межгрупповое сравнение, ретроспективная и проспективная групповая рефлексия, ролевая структура научного коллектива. В главе предложены направления поддержки ориентации научных сообществ на долгосрочное будущее, а также формирования чувствительности к «слабым сигналам» изменений, указывающим на новые актуальные фундаментальные и прикладные научные проблемы.

В заключении к книге подведены некоторые итоги и намечены *перспективные направления дальнейших междисциплинарных исследо-*

ваний коллективного образа будущего, в том числе с опорой на анализ цифровых следов, корпусные лингвистические исследования и мультиагентное моделирование.

Растущая актуальность проблем, рассматриваемых в данной работе, дает основания надеяться на то, что она послужит отправной точкой для дальнейших теоретических и эмпирических исследований отечественных психологов.

Автор выражает глубокую признательность коллегам, без поддержки которых эта книга не появилась бы на свет: А. Г. Асмолову, М. К. Горшкову, А. Л. Журавлеву, А. А. Кокошину, Г. А. Тосуняну, Д. В. Ушакову и А. В. Юревичу.

Хотелось бы выразить благодарность А. И. Агееву, А. А. Аузану, О. С. Дейнеке, И. В. Задорину, М. А. Гагариной, Т. П. Емельяновой, Д. А. Леонтьеву, Г. Г. Малинецкому, В. В. Радаеву, И. С. Семененко, Г. У. Солдатовой, А. Н. Татарко, Е. Б. Шестопал, А. А. Широу, всем сотрудникам лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН, кафедры психологии личности факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, а также Школы антропологии будущего РАНХиГС за поддержку выбранного направления исследований и ценные советы.